
Анджей Ласки
Последняя жизнь вещей

Анджей Ласки

Последняя жизнь вещей

«Автор»
2026

Ласки А.

Последняя жизнь вещей / А. Ласки — «Автор», 2026

«Последняя жизнь вещей» – новая книга Анджея Ласки!Лера приезжает на дачу к бабушке. На фоне трудностей в общении с одноклассниками и развода родителей старая дача кажется ей не местом летнего отдыха, а самой настоящей тюрьмой. Но от бабушки она узнает о волшебной тайне, которую скрывает чердак старого дома...Это повесть о дружбе, которая начинается с готовности услышать другого, и о семье, где каждому важно чувствовать себя любимым и нужным. О смелости попросить помощи, признать ошибку и попробовать снова после неудачи. Ведь необязательно быть уверенным, что все получится, чтобы сделать первый шаг: заговорить, протянуть руку и дать кому-то шанс стать близким.

© Ласки А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. КНИГА ПЕРЕДЕЛОК 5
ГЛАВА 2. ТИХИЕ ШАГИ 10
ГЛАВА 3. КТО ЖИВЕТ НА ЧЕРДАКЕ? 14
ГЛАВА 4. ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ ВЕЩЕЙ 18
ГЛАВА 5. ХРАНИТЕЛЬНИЦА 22
ГЛАВА 6. ПОИСКИ СОКРОВИЩ 25
ГЛАВА 7. БАБУШКИН ПОРЯДОК 29
ГЛАВА 8. РИСУНОК 33
ГЛАВА 9. ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД 38
ГЛАВА 10. ВАСЬКА 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Анджей Ласки
Последняя жизнь вещей

ГЛАВА 1. КНИГА ПЕРЕДЕЛОК

Дачная беседка пахла старым деревом, нагревшейся краской и какой-то незнакомой тишиной. Именно тишиной, а не отсутствием звуков. Городской шум остался где-то далеко, за поворотом проселочной дороги, там, где стоял знак с названием деревни «Мисирёво». Нет, он не исчез совсем, а будто отступил, утонув в зелени бескрайних полей. А здесь царили совсем другие голоса: стрекот кузнечиков в зарослях травы, кваканье лягушек с реки, ленное жужжание мух и неторопливый скрип качелей.

Солнце уже начинало клониться к закату, раскрашивая небо в нежные персиковые и золотые тона. Длинные, причудливые тени от яблонь и берез тянулись через весь участок, сливаясь в единую летнюю картину. Воздух стал прохладнее. Он был насыщен запахом нагретой земли, медовым ароматом цветущих лип, что росли за забором, и чуть заметным, но таким уютным дымком из соседской бани. По траве уже скользил легкий, молочный туман, мягко обволакивая ветки кустов и стволы деревьев.

Лера стояла посреди комнаты, сжимая в руке ручку фиолетового чемодана – подарка на прошлый день рождения – который теперь казался ярким и неуместным пятном в этом деревенском мире. Она чувствовала себя совершенно чужой и не понимала, что с этим можно сделать.

Час назад родители уехали обратно в город, а она осталась здесь, с бабушкой Томой. Надолго? Лера даже не спросила. Когда мама заговорила о поездке, ей казалось, что вдали от дома и неделя будет тянуться бесконечно.

Перед тем как сесть в машину, мама крепко обняла ее и сказала: «Тебе нужен свежий воздух и покой, дочка. Здесь тебе будет лучше». Но в маминых глазах Лера прочитала что-то еще, другое: грустное, усталое и виноватое. То, о чем родители молчали в ее присутствии.

«Развод». Это слово буквально висело в воздухе городской квартиры последние месяцы тяжелым, липким мыльным пузырем, пропитанным натянутыми улыбками за ужином, зияющей пустотой папиного кресла в гостиной и тихими разговорами за закрытой дверью. Обрывки фраз каждый раз долетали до Леры, как осколки: «...не понимаешь...», «...устал...», «...ради ребенка...».

Следом в квартире появились коробки. Картонные, разных размеров. Сначала папа аккуратно сложил в них свои книги, потом – коллекцию старых виниловых пластинок, над которой всегда посмеивалась мама (ведь проигрывателя у них давно уже не было). Лера как-то раз увидела на одной из коробок надпись «На дачу» и на мгновение обрадовалась: значит, ничего страшного не происходит, и они поедут все вместе? Но нет. Это оказались всего лишь вещи, которые стали лишними в новой, раздельной жизни.

Но самым страшным для нее было медленное отчуждение родителей: то, как папа больше не смеялся над маминими шутками, как мама перестала гладить его рубашки. Они стали соседями, вежливыми, но безразличными, не замечающими друг друга. Живя в одной квартире, они существовали в совершенно разных мирах.

Лера часто думала: а вдруг именно от нее зависело, останутся ли они семьей? Поэтому мысль погостить у бабушки на этой деревянной, слегка покосившейся даче, вдали от привычной жизни, казалась ей не подарком свободы, а наказанием. Наказанием за то, что она не

смогла, не сумела ничего сделать, чтобы все осталось как прежде. Может быть, тогда бы эта трещина не прошла через самый центр ее мира, не разделила бы его на «до» и «после».

Комната дома на первом этаже, которую отвела ей бабушка, была маленькой, с обоями в длинную полоску. В некоторых местах они отходили от стен, обнажая желтоватую газетную подложку. Здесь пахло свежескошенной травой, запах которой ветер приносил в открытое окно, и вековой пылью, въевшейся в каждую щель пола и резную спинку кровати.

Бабушка Тома – полная и грузная женщина в простом ситцевом платье – вошла, не постучав, и положила на табурет стопку чистого постельного белья.

– Устраивайся, внучка, – сказала она. – Сама справишься или помочь? – и кивнула в сторону кровати, застеленной байковым одеялом с выцветшими зайцами.

Бабушка Тома смотрела на Леру внимательными, добрыми и будто насквозь видящими глазами – глазами человека, который привык читать не по словам, а по молчанию. И в этом было что-то такое, от чего черный комок обиды и тоски в горле у Леры слегка разжался, уступая место робкому, непонятному любопытству.

– Сама, бабушка, – девочка отпустила ручку чемодана и сделала шаг к кровати. – Я сама.

Это «сама» было ее девизом, щитом и одновременно проклятием. В школе Леру дразнили «тихоней» или, что хуже, «букой». Она не была застенчивой – она была внимательной.

И пока другие девчонки на переменах галдели о сериалах и мальчиках, она молча сидела на подоконнике, наблюдая, как ветер гонит по небу облака, похожие на потрепанные корабли. Ей было куда интереснее следить за сюжетом, разворачивающимся за стеклом, чем участвовать в бесконечной и пустой болтовне.

У нее не было врагов, но и подруг тоже не было. Вернее, была одна – Катя, с которой они в начальной школе строили шалаши из стульев и читали под столом «Волшебник Изумрудного города». Но, перейдя в пятый класс, Катя вдруг резко повзрослела и забросила все игры: накрасила ресницы тушью, намазала губы маминой помадой и стала говорить только о тиктоках и любимых блогерах. Их дружба беззвучно испарилась, как лужица после дождя на асфальте. Лера не стала догонять подругу, просто осталась «сама».

Училась она неровно. По литературе и истории у нее были пятерки – ей нравилось погружаться в миры и эпохи, представляя себя на месте героев. Фантазировала, путешествовала вместе с ними. А вот математика и биология вызывали у нее раздражение. Эти предметы казались ей слишком прямолинейными и лишенными всякого воображения. Учительница по математике, Марья Ивановна, постоянно ворчала: «Соловьева, витаешь в облаках! Спустись на землю!» Лера, может, и хотела бы, но не знала как. Ее «землей» уже давно были те самые скучные, полные невысказанных обид ужины и тихие разговоры за стеной. А сюда она точно не хотела спускаться, как бы ни просила ее Марья Ивановна.

– Ну, хорошо, располагайся пока, – и Тома вышла из комнаты, плотно закрыв дверь за собой.

Лера застыла посередине комнаты, разглядывая стены и потолок. Ей так не хотелось отпускать этот день, наполненный суетой, шумом, гамом, долгой дорогой на дачу. Даже несмотря на плохое настроение. Все эти тревоги и заботы были хоть каким-то доказательством текущей жизни. А здесь... здесь была только тишина, как на кладбище. Та самая, в которой так громко слышны собственные мысли.

Девочка потянулась к чемодану и осторожно, словно сокровище, выудила из потайного кармана толстую желтую тетрадь в клетку – ее дневник. Его обложка была испещрена наклейками с розовыми единорогами и феями Винкс – наследие той, старой Леры, которая еще верила в настоящее волшебство. Теперь же эти мифические звери и существа казались ей немного наивными, но сдирать их было жалко – как будто она предавала саму себя, ту семилетнюю Леру, которая только что пошла в первый класс.

В нем она не только записывала то, что в голову придет, но и рисовала на скучных уроках математики, подменяя мир формул миром удивительных и странных существ. С самого начала она дала дневнику гордое имя – «Книга Переделок». На его страницах злой шепот за стеной превращался в завиток на полях, а страх перед контрольной – в смешного чертика, спрятавшегося в углу листка...

Здесь же жил чайник с крыльями стрекозы, потому что однажды утром, наблюдая, как пар из носика поднимается к солнцу, она представила, что он вот-вот взлетит. На соседней странице росло дерево, у которого вместо листьев тихо позвякивали стальные шестеренки – этот рисунок появился после очередной ссоры родителей, когда их голоса за дверью звучали как скрежет несовместимых механизмов. А на одной из страниц притаился старый дисковый телефон на тонких паучьих лапках. Он словно ждал, когда в квартире все уснут, чтобы зазвонить. Иногда Лера просыпалась среди ночи и прислушивалась к тишине, будто звонок и вправду мог раздаться.

Учителя, замечая эти странные рисунки, хмурились. Одноклассники смотрели на нее как на чудачку. Некоторым, правда, нравились ее рисунки. Они тыкали пальцами в тетрадь и восклицали: «Прикольно!» Но они ни разу не спросили, почему у чайника крылья или о чем звенит дерево-механизм. Им было интересно лишь само изображение, но не тот скрытый смысл, который нес рисунок. А для Леры это был единственный способ сделать жесткий и

неудобный мир более гибким и понятным. На этих страницах она превращала обиду в узор, а тревогу – в странное, но уже не такое страшное существо, и будто приручала эмоции.

Девочка открыла тетрадь на чистой странице и провела по ней рукой, ощущая шероховатость бумаги.

Что же, впереди очередная глава ее дневника. Глава под названием «Дача». Какой она будет? Какие существа родятся здесь, в этой пронизанной стрекотом кузнечиков и запахом старого дерева тишине? Лера смотрела в окно на темнеющий сад, на загадочные очертания сарая, на старые качели. И ей вдруг подумалось: а что, если ее фантазии – не просто побег из реального мира? Что, если где-то и взаправду существует мир, где у чайника есть крылья, а у старого телефона – своя жизнь, не похожая ни на чью другую?

Она вздохнула, взяла в руки карандаш и тихо, сама для себя, повторила:

– Ничего. Я сама.

Но на этот раз в этих словах прозвучала не столько привычная гордость одиночки, сколько тихая, неуверенная надежда. Может быть, здесь, в этом месте, где пахнет дождем, яблоками и далекими лугами, быть «самой» – это не приговор. Может быть, это ключ?

ГЛАВА 2. ТИХИЕ ШАГИ

Лера водила карандашом по бумаге, пытаясь перенести на нее ощущение нового мира, в котором она оказалась так неожиданно. Но инструмент в ее руке плохо поддавался и упрямился. Линия, которая должна была стать извилистой дорогой к даче, получалась резкой, угловатой и неуверенной, больше похожей на трещину в полу. Контур дома и вовсе плясал, стены заваливались в разные стороны, а окна смотрели пустыми, слепыми квадратами. Она попыталась набросать на бумаге странное существо – не то ежа, не то духа сада, рожденного в ее голове от смешения вечерних теней за окном, но получился лишь комок колючих, скомканных черточек.

С досадой она провела по рисунку ластиком сначала в одну, потом в другую сторону. Бежевые крошки песком посыпались на стол. Она смахнула их резким движением и снова взяла карандаш в руку. Новый лист и новая попытка. Но пальцы, обычно такие послушные, сейчас казались деревянными. Девочка почувствовала отчаянную пустоту внутри себя.

Прежде ее рука была лишь проводником. Из какого-то потаенного уголка сознания, где чувства и впечатления сливались в единый поток, появлялись готовые образы. Она только и успевала зарисовывать их. А здесь, в этой комнате, где явно ощущалось прошлое, источник вдохновения вдруг иссяк. Воцарилась не пауза, полная ожидания, перед новым актом творческого священнодейства, а мертвая, оглушительная тишина! Лера не могла выдавить из себя ни единого наброска, рука будто окаменела.

И тут ее осенило! Она поняла! Ну конечно! Все так просто: это не она не могла рисовать – это дача не позволяла ей рисовать. Старый дом словно почувствовал ее характер, ее суету и навязчивость. И это не она, а он не желал раскрывать свои секреты первому встречному.

Лера вспомнила, как прошлой осенью, еще тогда, когда у родителей начались первые ссоры, она заперлась у себя в комнате, схватила карандаш и стала рисовать в «Книге Переделок». За окном яростно хлестал дождь, а в гостиной стояла ледяная тишина после очередного разговора на повышенных тонах. И Лера, стиснув зубы, силой своей фантазии перекроила реальность. Она нарисовала свой панельный дом, где из каждого окна росли огромные, яркие цветы, а по стенам ползли добродушные существа, похожие на божьих коровок, заделывая трещины в бетоне и в отношениях густым золотым медом. И это сработало! Обида и страх отступили. Тогда она заставила мир быть другим, переделала его.

Но сейчас проверенный метод неожиданно дал сбой. Ее быстрая фантазия, резкие движения – все было не то. Дом требовал другого отношения: терпения, внимания, благоговейного молчания. Словно проверял Леру. Ждал, когда девочка, наконец, отложит карандаш и просто начнет смотреть, слушать и чувствовать по-настоящему, без попытки сразу же переделать все на свой лад. Здесь нельзя было подчинить его себе. Нужно было просто подружиться.

Лера оторвалась от листа бумаги и посмотрела в окно. Там сиреневое небо окончательно потемнело, стало густо-фиолетовым, почти черным. В стекле отражалось ее собственное уставшее лицо и желтый, уютный, но сейчас казавшийся одиноким круг ночника. Девочка с тоской посмотрела на искореженные ластиком страницы, на груду бежевых крошек в углу тетради. Потом сложила руки перед собой и опустила голову. Усталость вдруг навалилась на нее ватным одеялом. Она просто хотела на секунду закрыть глаза, чтобы прислушаться к ночи, к шелесту листьев за окном, чтобы хоть как-то обмануть творческий ступор. Но усталость оказалась сильнее, и она провалилась в сон.

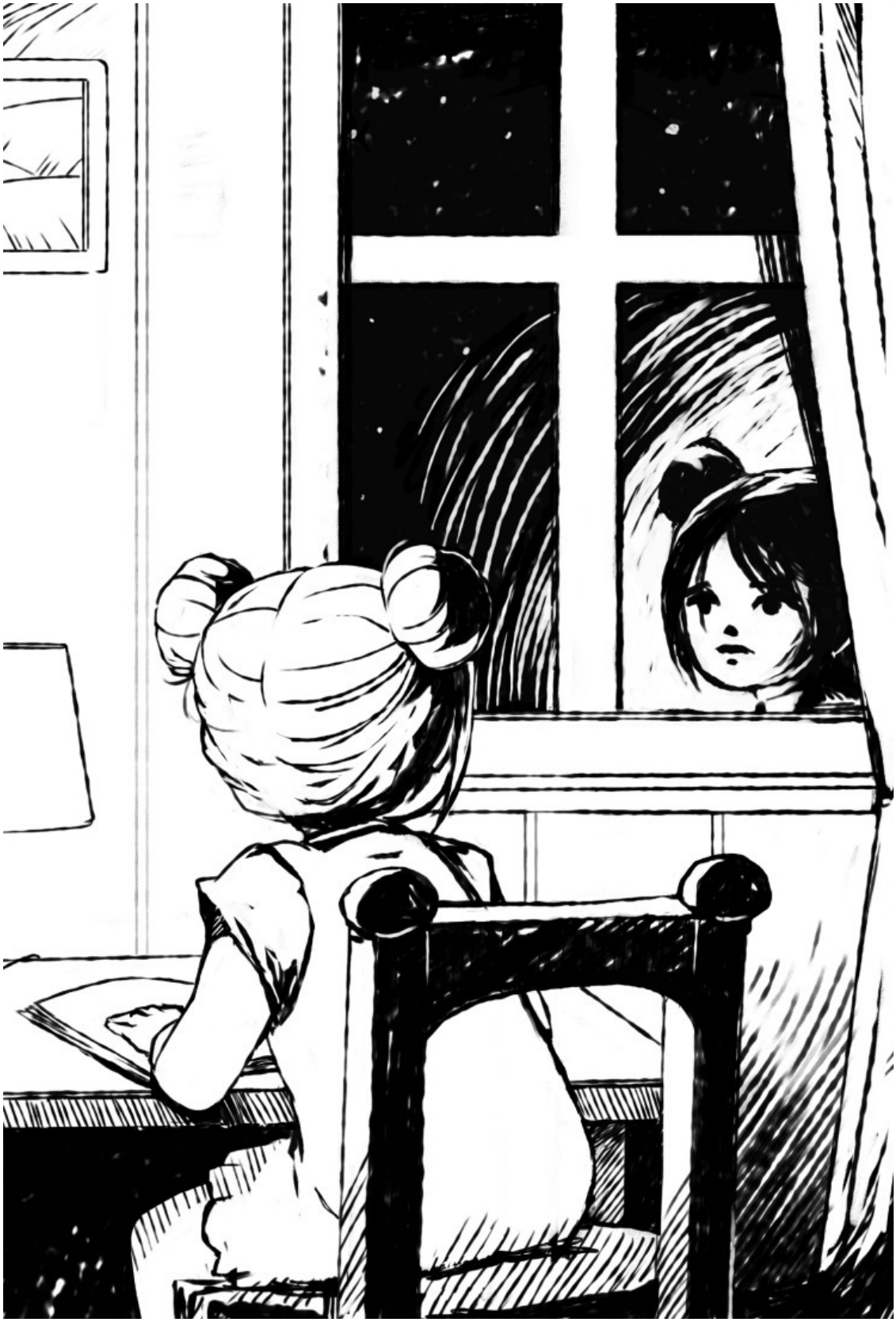
Леру разбудил звук.

Сначала появился в ее сне тихим, настойчивым шепотом. Чуть заметный, он постепенно усиливался, становясь все громче. Как будто в идеально выстроенной симфонии ночной

тишины появилась фальшивая нота. Сначала девочка пыталась отмахнуться от него, как от назойливого комара, но звук не исчезал.

Она сидела с закрытыми глазами, пытаясь понять, что же ее беспокоит. Не скрип качелей (тот был знакомым) и не убаюкивающий шум ветра за окном. Этот звук был похож на… шаги. Почему похож? Это и были шаги. Самые настоящие, но очень тихие. Совершенно ясно и неоспоримо.

Не стук каблуков, а приглушенные, бархатистые шорохи, будто кто-то очень легкий и осторожный переступал с ноги на ногу по голым доскам чердака прямо над ее головой.

И тут же, вплетаясь в ритм этих шагов, доносились голоса. Они звучали мягко и тихо. И хотя Лера не могла разобрать слов, но в них слышалась размеренная беседа, полная спокойствия и какой-то невыразимой печали.

Она замерла на стуле, превратившись в одно большое ухо. Сердце, сначала бешено забившись, внезапно замерло, а потом снова рвануло в галоп, подпрыгивая где-то в основании горла. Каждый его удар отдавался в висках глухим, пугающим эхом. По спине побежали мурашки. Страх, холодный и липкий, был плотным, почти осязаемым. Девочка боялась пошевелиться, боялась сделать даже самый маленький вдох, чтобы не выдать своего присутствия.

Мысли разбегались в разные стороны, как тараканы. В голове роились самые невероятные догадки. Воры? Но какие воры будут так чинно и размеренно ходить по чердаку, словно прогуливаются по музею? Может, сама бабушка? Но шаги были слишком легкими, почти невесомыми. Да и как она залезет на этот чердак? И эти голоса... Нет, это точно не бабушка. Тогда кто? Что за таинственные ночные гости?

Внутри зазвучал один ясный, настойчивый призыв: «Бабушка! Надо позвать бабушку! Скорее!» Казалось, сейчас это был единственный спасительный якорь в этом внезапно ставшем чужим и враждебном ночном мире.

Она соскочила со стула и, крадучись, словно сама была нарушителем ночного спокойствия, выскользнула в темный коридор. Дверь в комнату бабушки была приоткрыта. Лера заглянула внутрь. В полоске лунного света, падающего на кровать, она увидела лицо бабушки. Оно было абсолютно безмятежным, дыхание – ровным и глубоким.

И пока Лера стояла на пороге комнаты в нерешительности, шаги и голоса на чердаке стихли. Словно их и не было. Все замерло, и это безмолвие теперь казалось еще более зловещим, чем те таинственные звуки.

«Зачем будить бабушку? – пронеслось в голове, и этот вопрос прозвучал почти как упрек. – Может, мне все это показалось?»

Она так и представляла себе эту картину: бабушка, разбуженная посреди ночи, зажигает свет, поднимается на чердак и, вернувшись, сонно бурчит: «Деточка, тебе приснилось. Там только пыль да старые газеты».

«Неужели я не справлюсь сама?» И тут же, как щит, поднялось ее вечное, упрямое «сама». Даже в страхе и отчаянии оно придавало сил. «Буду еще будить ее из-за какой-то ерунды?»

Лера глубоко вздохнула, разжала пальцы, впившиеся в косяк двери, и медленно, ощущая каждый шаг по скрипящим половицам, поплелась обратно в комнату через темный коридор. Она щелкнула выключателем – ночник погас, погрузив комнату в ночную тьму, разбавленную бледным пятном луны на небе.

«Точно показалось, – начала убеждать она себя, забравшись на кровать, даже не раздевшись. – Просто приснилось. От усталости и от этих дурацких переживаний». Лера мысленно перечисляла причины, выстраивая их по порядку: переезд на дачу, незнакомая обстановка, отсутствие родителей рядом. Все сошлось. Все было очень просто.

Девочка накрылась одеялом с выцветшими зайцами и крепко зажмурилась, пытаясь загнать себя обратно в сон. Но перед глазами стояли образы: кривые рисунки в дневнике, молчаливые тени в саду и эти призрачные шаги.

Толстую стену выстроенной логики начинал точить крошечный, но живучий червячок сомнения. Так все-таки были они или нет? А что, если да? Что, если эти шаги – самые настоящие? И почему они затихли, едва она вышла из комнаты? Словно боялись ее не меньше, чем она – их.

Дом замер, укутанный в ночь, как Лера в одеяло. Девочка еще долго ворочалась и заснула только под утро, когда за окном первыми лучами рассвет окрасил облака и ранние пташки начали нескончаемое щебетание. «Книга Переделок» оставалась лежать на столе, открытая на чистой, нетронутой странице, словно в начале новой главы, главные иллюстрации к которой еще впереди.

ГЛАВА 3. КТО ЖИВЕТ НА ЧЕРДАКЕ?

Лера проснулась оттого, что солнечный луч, перебравшись с подоконника на подушку, пощекотал нос. Она чихнула раз, другой и лишь тогда открыла глаза.

Несколько мгновений девочка с интересом разглядывала комнату, будто видела впервые: полосатые, местами затертые обои, дощатый пол, старый дуб, шелестевший за окном, чьи ветки тенями рисовали на стене узор, больше похожий на какую-то древнюю карту, и крохотные пылинки, пляшущие в столбе солнечного света. Сквозь закрытые рамы пробивался прохладный, свежий утренний воздух. И этот миг безмятежности был таким сладким и полным, что она даже улыбнулась, потягиваясь, как котенок. Но радость ее была недолгой. Память возвращалась, медленно вползая в сети реальности, а вместе с ней воспоминания о событиях прошлого дня и странной ночи нагоняли ее.

Сначала Лера ощутила непривычную скованность движений – она спала в одежде. Почему? Потом ее взгляд упал на стол, где лежала раскрытая «Книга Переделок». Вслед за этим, словно выцветшая фотография, появился образ желтого круга ночника в кромешной тьме. И, наконец, из самых потаенных уголков всплыл звук тихих голосов и мягких шагов над головой. Все это тут же обрушилось на Леру единым, невеселым грузом с грохотом упавшего шкафа.

Она сглотнула комок в горле, ощущая, как по телу разливается знакомая волна тоски. Нет, ей здесь не нравилось. Категорически! Совсем! Абсолютно! Эта дача была заточением, тюрьмой с красивыми пейзажами. Ее оставили здесь, как сдают в камеру хранения ненужную вещь, чтобы взрослые могли наконец «разобраться». А разбираться, и она это знала наверняка, им предстояло не только со своей, но и с ее жизнью, с ее будущим.

От этого становилось еще обиднее: ведь с ней никто не посоветовался. Просто отвезли на дачу к бабушке, выкинули из дома, как бездомного котенка, спрятали как сломанную игрушку, чтобы не мозолила глаза. Лера жалела себя и могла бы привести еще тысячу подобных сравнений.

Она с отвращением посмотрела на зайцев на одеяле. Ей хотелось плакать. И чтобы ее поскорее забрали отсюда. Прямо сейчас. Обратно в город, к своей кровати, к привычному шуму машин за окном, к любимым книжкам. Обещание летнего приключения, которое когда-то слышалось в маминых словах, теперь казалось самой жестокой ложью. И не надо никакой тишины, она к этому не привыкла и не привыкнет никогда!

Девочка сжалась под одеялом, втянув голову в плечи и поджав под себя ноги. Ей хотелось стать маленькой песчинкой, чтобы ее никто не трогал. Солнечный луч, еще недавно такой ласковый, теперь казался навязчивым и бесчувственным, как и все в этой комнате. Одна только мысль поднять глаза на потолок, за которым скрывался чердак, и вовсе заставляла сердце сжиматься ледяным комом. Что, если ночные гости не просто безобидные духи? Что, если они наблюдали за ней всю ночь? Что, если они...

Резкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Лера! Завтрак на столе! Блинчики стынут! – донесся из-за двери голос бабушки.

«Не пойду, – упрямо подумала она, закусывая губу. – Ну и пусть стынут. Пусть вся эта дача провалится сквозь землю вместе с ночными призраками».

– Лера! Вставай скорее! – бабушка была настойчива.

– Хорошо, сейчас приду! – скорее буркнула Лера, но так, чтобы бабушка слышала из-за двери.

Она со злостью скинула с себя одеяло, взглянула на пустую страницу «Книги Переделок» и на карандаш, который лежал рядом. Ноги сами понесли ее к двери, но не потому, что она

хотела завтракать, а потому, что продолжать лежать в кровати, сражаясь в одиночку со своим страхом и грустью, было невыносимо.

Лера вышла в коридор, ощущая себя узницей. Скрип половиц под ногами показался ей слишком громким. Она не решалась взглянуть на потолок, но краем глаза все же заметила лестницу с широкими ступенями, ведущую наверх, к таинственной дверце чердака.

Лера поднялась в беседку. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву старого дуба, рисовали на скатерти кружева. Стол уже был накрыт. На большой тарелке лежали золотые блины, рядом – свежеиспеченный, порезанный крупными ломтями хлеб, многочисленные хрустальные розетки с различным вареньем и в центре всего этого великолепия – блестящий, медный, пузатый самовар, тихо посапывающий паром.

– Доброе утро, деточка! – бабушка Тома, увидев внучку, отложила в сторону полотенце и широко улыбнулась. Оттого в уголках ее глаз разбежались лучики-морщинки. – Ну как спалось? Не скрипело ли ничего, не шумело? Не мешало ли спать? – голос ее звучал таким радушным и обыденным, что на мгновение Лере показалось, будто все ночные кошмары – просто дурной сон.

– Хорошо, – коротко бросила Лера, сжимая губы в тонкую упрямую ниточку и опуская глаза.

– А я вот блинчиков напекла, – не отступала бабушка, – и земляничное варенье достала. Прошлогоднее, твое любимое. Помнишь, как ты в детстве его прямо ложкой ела?

Девочка лишь молча кивнула.

– Ну присаживайся, – бабушка снова засуетилась вокруг самовара. – Сейчас ароматного чайку выпьешь, с травами, он тебя взбодрит. Ты что-то сегодня бледненькая, как будто не выспалась, – добавила она, и в ее голосе впервые прозвучала легкая тревога.

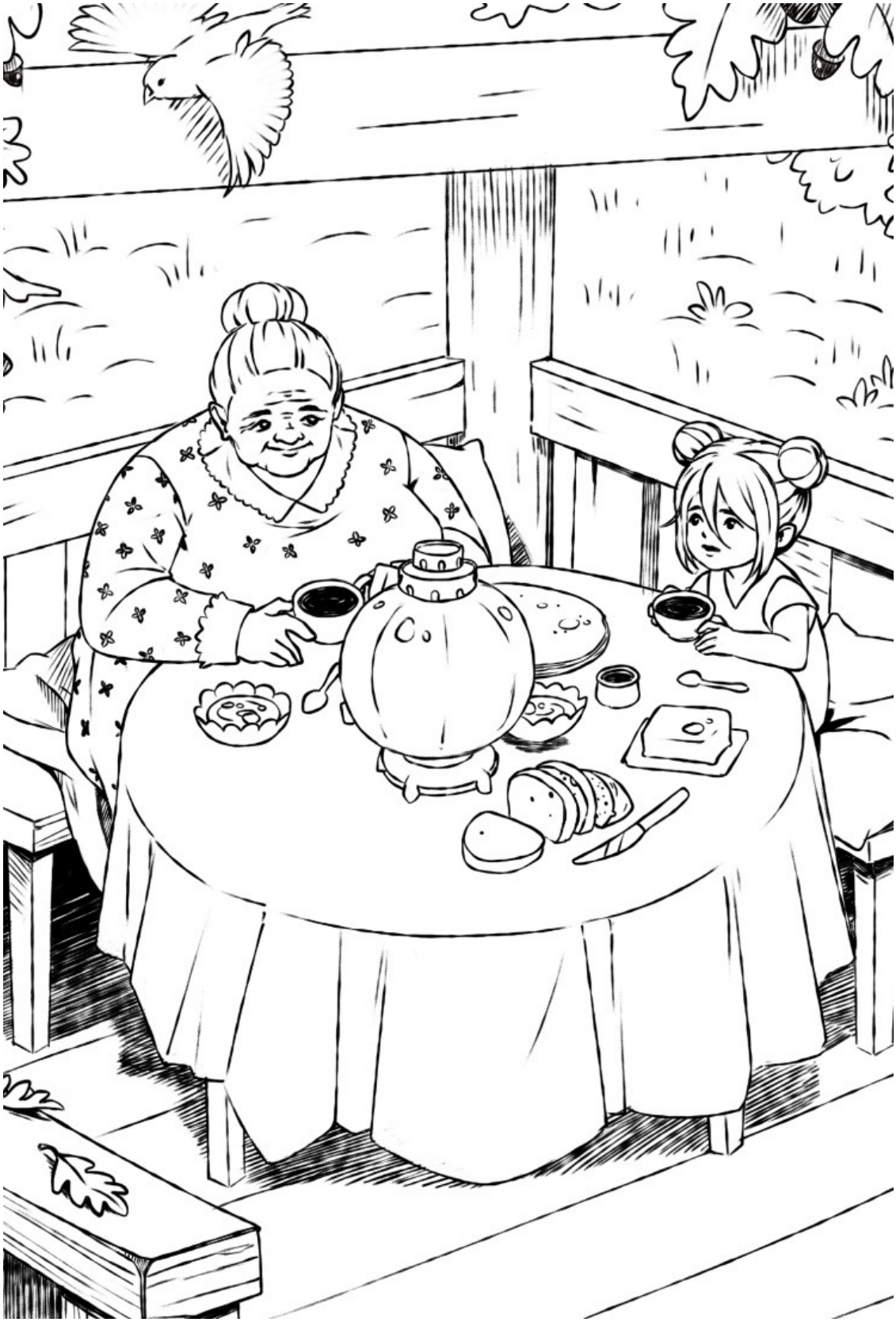
Лера машинально опустилась на стул. Она взяла вилку, но лишь бесцельно поводила ею по поверхности блинчика, оставляя жирные бороздки. Аппетита не было вовсе. Она чувствовала на себе бабушкин взгляд – не навязчивый, но очень внимательный, всепроникающий.

– А может, ты не хочешь блинчики? – мягко спросила бабушка, ставя перед ней стакан с дымящимся чаем. – Вот я старая перечница. Хотела тебя порадовать, а то небось дома-то мама блины не печет. Могу яичницу сделать. Или просто варенье с хлебушком?

– Нет, – почти шепотом ответила Лера. – Все нормально. Спасибо.

Девочка отломила крошечный кусочек блинчика и отправила его в рот. Она помнила эти вкусные, воздушные бабушкины блинчики, которые пахли летом и детством. Но сейчас этот кусочек казался совсем безвкусным, словно она жевала вату. И по тому, как бабушка замедлила движения и еще пристальнее посмотрела на нее, Лера поняла – ее тревога не осталась незамеченной.

Тишина за столом становилась все невыносимее. Ее нарушали лишь шипение самовара да щебет птиц в саду.

– Солнышко мое, – наконец произнесла бабушка, отодвигая от себя пустой стакан. – Расскажи-ка мне, что случилось. Что с тобой? Или уже по городу затосковала?

Видимо, она совсем плохо играла эту роль, пытаясь делать вид, что все хорошо. Вечная броня под названием «сама», которой она прикрывалась, уже не помогала. Притворяться дальше не было сил. И она, не глядя на бабушку и продолжая ковырять вилкой блинчик, тихо сказала:

– Мне... мне послышалось что-то ночью.

– Тааак, интересно, – распевно произнесла бабушка, – и что же? Давай-давай, рассказывай, что же тебе послышалось? – она мягко улыбнулась. – Птицы за окном запели раньше времени или дерево в окно ветками громко стучало?

– Нет, – Лера покачала головой, и слова понеслись сами, срываясь с губ. – Это было не за окном... Это было... прямо над головой. Там… На чердаке… Кто-то... ходил. И разговаривал... – она резко замолчала и наконец подняла взгляд на бабушку.

Бабушка сидела спокойно. Улыбка сошла с ее лица, а в глазах мелькнул интерес.

– Ходили, говоришь?.. – медленно протянула она. – И громко ходили?

– Нет, тихо, – тут же выдохнула Лера, ухватившись за эту деталь. – Как будто... как будто на цыпочках.

– И даже разговаривали?.. – бабушка прищурилась, как будто плохо видела внучку.

Лера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Да, разговаривали… – прошептала она. – Но я слов не разобрала...

И, не выдержав, подалась вперед, глядя бабушке прямо в глаза:

– Кто у тебя на чердаке живет? – выдохнула девочка, набравшись смелости. – Скажи!

Тома взяла в руку чашку и отхлебнула из нее, давая себе время немного подумать.

– Ходили... И даже разговаривали... – снова повторила она, словно пробуя на вкус каждое слово. – Ну что ж, раз ты услышала, значит… Видно, не всем жильцам спится… – загадочно закончила она.

ГЛАВА 4. ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ ВЕЩЕЙ

– Каким еще жильцам? – Лера широко раскрыла глаза. Она думала, бабушка скажет, что ей все приснилось. А та заговорила так, словно давно их знала. И совсем спокойно, без тревоги. Может, тогда и Лере нечего бояться, если бабушка с ними знакома? Страх понемногу отступал, теперь ей не терпелось узнать, кто живет на чердаке. – Каким еще жильцам?

Бабушка Тома молчала, разглядывая сад, будто в его зелени могла найти правильные слова.

– Ну бабушка! Ну скажи! – настаивала девочка, чувствуя, что находится в шаге от разгадки. – О чем ты?

– Хорошо, – сдалась та, – давай расскажу.

Лера замерла.

Бабушка сделала еще один глоток из чашки, отставила ее с легким стуком ближе к самовару, положила ложечку на блюдце, покрепче затянула краник у самовара – все это она делала с таким видом, будто готовилась к какому-то ритуалу.

– Так вот, – начала она, откашлявшись, – Твой дедушка Валя… ты помнишь его?..

Девочка кивнула. Она помнила, но это было так давно, что образ деда Вали начал стираться из памяти, да и маленькая она была, когда его не стало.

– Дед Валя был коллекционером, но не простым… Он собирал старые вещи... Как бы это сказать... Он был... собирателем душ. Не людей, нет – вещей. Валентин обладал редким даром – видеть не просто предмет, а его внутренний свет, ту искру, что загорается, когда мастер вкладывает в свое творение часть себя, своего внутреннего мира.

Лера слушала, затаив дыхание. Она ловила каждое слово, боясь ненароком вспугнуть невероятную историю.

– Он всю жизнь таскал в дом разные диковинки: резные шкатулки из заморских стран, фарфоровых кукол, игрушечных солдатиков... Он объездил полмира, твой дед, – продолжала бабушка. – Из Норвегии привез резного деревянного тролля, которого нашел в сугробе возле заброшенной церкви. Местные говорили, что тот охраняет дома от злых духов. И дед клялся, что видел, как по ночам тролль шевелил резной бородой, словно шептал заклинания. А из Богемии – стеклянный шар, но не простой, а с целым миром внутри: если долго-долго смотреть сквозь искусственный снег, то можно разглядеть огоньки крошечного города, которые перемигиваются по вечерам, а по улицам спешат люди – коренные жители вечно заснеженного мира.

Тома замолчала на несколько секунд, давая сказочным образам заполнить фантазию Леры.

– С берегов Ганга – бронзового слона, покрытого древней патиной, с отбитым бивнем. Говорил, что нашел его на развалинах старого храма. А из Японии – фарфоровую лису-кицунэ с девятью хвостами, один из которых был когда-то подклеен старым мастером. Он уверял, что слышал, как по ночам она перешептывается с ветром, приносящим вести с далеких полей, – голос бабушки смягчился. – К каждой безделушке он относился как к ребенку. Бережно ухаживал за вещами, чинил, что было сломано. Дедушка Валя не складывал их в ящики, а расставлял на полках и каждый день разговаривал с ними. Он считал, что в каждой вещи, сделанной с любовью, остается частичка души мастера. И эта частичка, при должном уходе и в нужном месте... может проснуться и ожить…

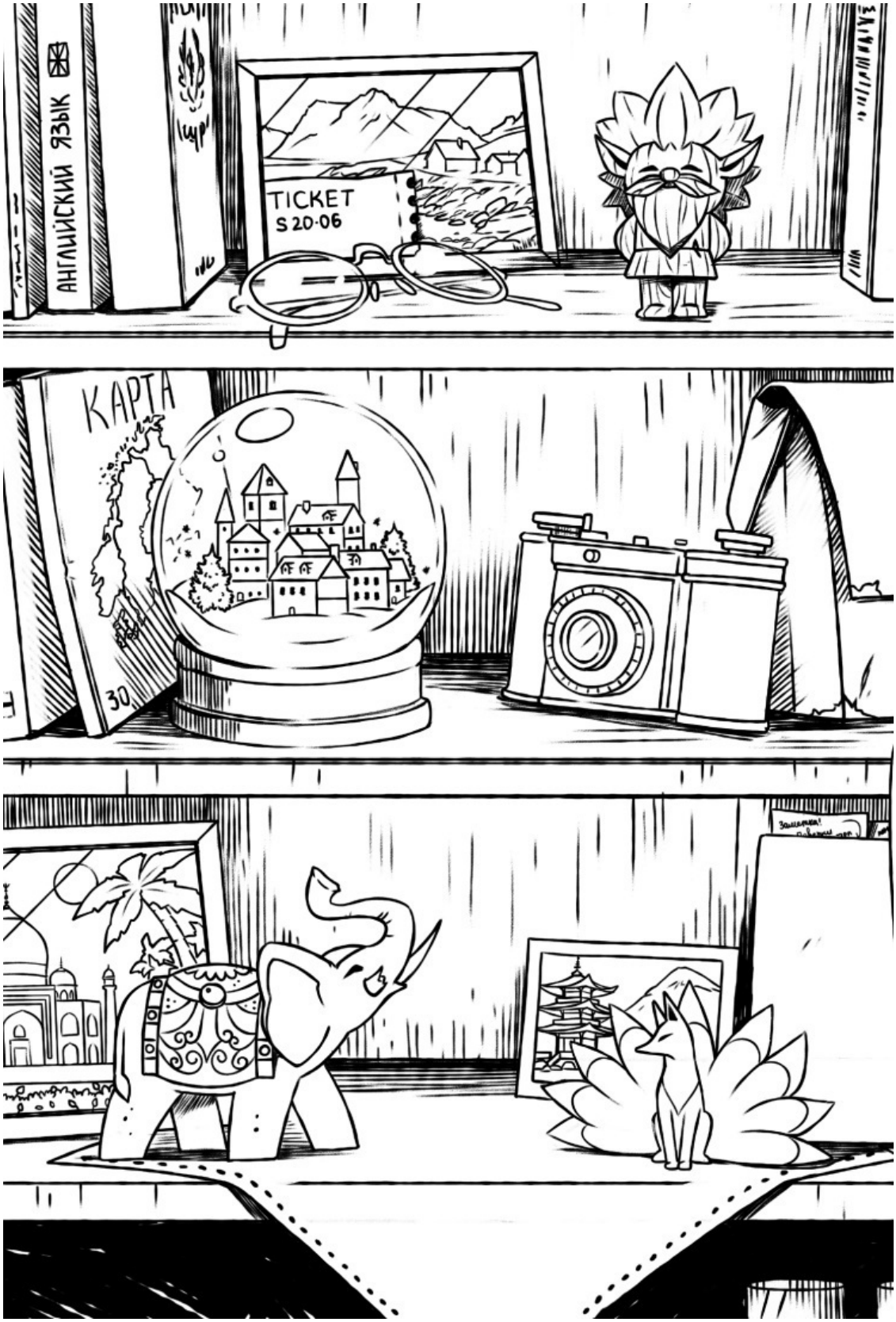
История увлекла Леру настолько, что она позабыла обо всем на свете. Так и сидела, немного склонив голову вправо (признак большого интереса), слушая бабушку.

– Когда дедушки не стало, все это богатство переехало на чердак. И оказалось, что старая дача, – Тома указала на дом, – наша дача... она особенная. А дедушка твой, выходит, был

настоящим волшебником. Своей любовью и вниманием он наделил этот дом чудесным свойством – здесь старые вещи обретают свою тихую, последнюю жизнь.

– Последняя жизнь вещей, – прошептала Лера.

– Да, – улыбнулась бабушка, – последняя жизнь вещей. И чердак для них не склад, а тихий, уютный дом престарелых для душ, запертых в дереве, фарфоре и стекле. Они здесь вспоминают, отдыхают.

– Так они что… живые? – девочка даже закрыла ладошкой рот, словно сказала что-то лишнее. – Настоящие?

– Настоящие? – бабушка серьезно смотрела на внучку. – Можно сказать и так… Но их жизнь другая, больше похожая на сон наяву. Они помнят руки своих мастеров, помнят дома, где жили, помнят любовь, которую им подарили. И здесь, на чердаке, делятся этими воспоминаниями друг с другом. Иногда поют песни, плачут о прошлом или ведут долгие беседы. Или же просто молча сидят, греясь в солнечных лучах. И знаешь, что самое удивительное? Они сами находят дорогу сюда. Иногда какая-нибудь потрепанная кукла или сломанный механический жук просто появляется на пороге. Как будто чувствуют, что здесь их поймут и примут.

– Но как?.. – ахнула Лера. – как вещи могут... найти сюда дорогу?

– По-разному, солнышко. Иногда их приносят другие люди, даже не подозревая, что держат в руках не просто старье, а живое существо. Иногда... – Тома понизила голос до шепота, – они просто появляются на пороге, у забора или в беседке. Дед говорил, что у этого места есть голос, тихий, словно шум осеннего дождя, но слышный издалека. И те, кто может его услышать, бессознательно к нему тянутся, – она взяла со стола старую, потертую деревянную ложку и нежно провела по ней пальцами. – Вот эту ложку, например, принесла соседская девочка лет пять назад. Говорила, что нашла ее в лесу: ложка лежала на пне, будто кто-то специально ее там оставил.

Бабушка внимательно смотрела на Леру.

– А теперь скажи мне, деточка... ты ведь не просто услышала шаги. Ты их... видела? Видела кого-нибудь из них?

– Нет... Только слышала, – Лера покачала головой, чувствуя вместо ушедшего страха странное разочарование внутри. – И они сразу замолчали… наверное, меня услышали…

– Не переживай, – Тома взяла внучку за руку, – вещи всегда осторожны. Им нужно время, чтобы привыкнуть к тебе. Однажды они сами решат показаться.

Она допила чай, смахнула крошки со скатерти и встала.

– И помни самое главное правило: вещи на чердаке нельзя трогать. И никому о них не рассказывай. Не передвигай, не убирай и не пытайся с ними играть. Они заслужили отдых, не мешай им.

– Не мешать им, – повторила Лера.

– Именно так, – кивнула бабушка и ушла в дом.

А Лера осталась сидеть в беседке, переполненная новым чувством. Теперь она была хранительницей настоящей тайны. Одна во всем мире! Если не считать бабушку, конечно.

ГЛАВА 5. ХРАНИТЕЛЬНИЦА

Рассказ бабушки не испугал ее, нет. Но перевернул все с ног на голову. Как будто лопнул тугой узел, стягивающий ее сердце долгие месяцы. Казалось, вместе с этим изменилось все вокруг: и воздух стал чище, и стрекот кузнечиков веселее, и пение птиц звонче. Рассеялась та серая пелена тумана, что еще вчера сковывала ее. Как будто тяжелая грусть и печаль упали с плеч, ничего не оставив после себя. Мир наполнялся радостью и яркими красками. Неожиданно для Леры летняя ссылка превратилась в самое важное и невероятное приключение в ее жизни.

Девочка подняла голову и посмотрела на крышу дачи, под которой таился чердак. Старый дом больше не казался ей отголоском прошлого, скорее он выглядел повидавшим виды мудрецом.

А ей не терпелось узнать больше… больше, чем рассказала бабушка. Хотя и этого уже было достаточно. А может быть, она сама попала на страницы самой интересной книжки? Да… вроде читала что-то похожее, но никогда не думала, что такое может произойти с ней.

Волшебство и магия – все это было только в старых сказках, написанных в те времена, когда даже машин не было. Да что там машин – электричества не существовало. И в доме, где вместо света горит лучина, где няня рассказывает сказки, еще можно было поверить... Там леший бродит, русалка на ветвях сидит. А щука или печь могут дать дельный совет. Но сейчас, когда люди готовы вот-вот поменять климат на Марсе, а там, глядишь, и машины поднимутся в воздух как птицы, до чудес никому дела нет. А уж до старых вещей и подавно. Мир стал слишком громким, быстрым, понятным. И оттого таким пустым.

Эта история и загадочные обитатели чердака манили ее. Лера так и видела себя поднимающейся по широким ступеням лестницы. Она уже слышала тихий скрип петель, когда люк чердака отворялся и перед ней открывался не пыльный склад, а настоящий портал в иное измерение.

«Все-таки интересно, что за мир скрывается за его дверцей?» – думала она.

Пыталась представить, и фантазия захлестывала: вот в солнечных лучах, опускающихся из слухового окна, танцуют куклы. Или ей видятся целые города, выстроенные из резных шкатулок. А может, по настоящему морю, нарисованному на внутренней стороне крышки старого сундука, медленно плывут корабли-призраки, на которых пираты перевозят сокровища?

Образы были самыми настоящими, сменяли друг друга, призывно звали. Оттого волнение в груди становилось только сильнее и было таким горячим и сладким, как глоток бабушкиного чая с земляничным вареньем.

И тут же ей представилось, как она приведет сюда Катю и других одноклассников. «Смотрите! – скажет она дрожащим от гордости голосом. – У меня тут целый мир! Живые вещи!»

И Катька, и все остальные только откроют рты от удивления. Перед глазами возникли их изумленные лица. Как бы тогда они посмотрели на нее? Еще бы! Она уже не просто Лера-чудачка, сидящая на подоконнике во время перемен, а самая настоящая повелительница чудес!

И в тот момент, когда в ее мечтах она была уже самой популярной девочкой в школе, когда все девчонки хотели дружить только с ней, а мальчишки нести портфель до дома, ее словно холодным душем окатили слова бабушки:

– И помни самое главное правило: вещи на чердаке нельзя трогать, о них никому нельзя рассказывать.

Лера вздохнула. Фантазии растаяли, как дым. С другой стороны, она и сама не могла позволить себе делиться тайной с кем попало, пускай даже с бывшей лучшей подругой. Эта тайна была слишком хрупкой и ценной и принадлежала только ей.

Старая семейная дача, которую она еще вчера ненавидела всем сердцем, вдруг оказалась не тюрьмой, а… волшебным храмом, наполненным тихим дыханием спящих существ. И Лера была не узницей, а… смотрительницей. Или Хранительницей. Да, точно! Хранительницей старых вещей! От этих слов она почувствовала себя важной. Будто ей вручили не просто ключ от чердака, а от целой вселенной, скрытой за скромной дверцей.

Эта внезапная мысль наполнила ее странным ощущением взрослой значимости, а вместе с тем и серьезной ответственности. Она была здесь нужна! И не как обуза, а как страж. Тот, кто должен слушать тишину и понимать шепот.

ГЛАВА 6. ПОИСКИ СОКРОВИЩ

А еще из бабушкиной истории Лера запомнила, что вещи сами находят дорогу в этот дом. Иногда они неожиданно появляются то в саду, то у калитки, то... И она обвела беседку внимательным взглядом. Но ничего необычного, кроме той ложки, что ей показывала бабушка, она не увидела. Да и ложка-то казалась самой обычной.

«А вдруг, – подумала она, – пока мы тут пили чай с блинчиками, где-нибудь появилась новая вещь? Может быть, в пыли у калитки завалялось старое колечко или потемневший медный колокольчик? Но интереснее всего было бы найти куклу, например. И если бабушка, так занятая утренним завтраком, ничего не заметила, то Лера как Хранительница просто обязана была что-нибудь найти!»

С этим решительным намерением она отправилась на поиски, хотя толком и не знала, что нужно искать. Но эта мелочь не смогла умерить ее пыл, как будто речь шла о настоящих сокровищах, а не о каких-то старых вещах. Мысль о них придавала ее шагам легкость и энергию.

Лера начала с сада. Она внимательно осматривала каждый куст и ложбинку, приседала на корточки, раздвигая густые заросли смородины, где в прохладной тени прятались от солнца лягушки. При виде Леры они громко квакали, пугая девочку. Но вскоре она привыкла и шикала на них, чтобы те были потише. Иногда вместо лягушек ей попадались влажные камни, покрытые изумрудным мхом. Она приглядывалась к каждому: вдруг среди них притаилось что-нибудь необычное? И даже добралась до крыжовника, под колючими ветками которого земля была усыпана сухими иголками. Так и представляла себе, что там лежит оброненная кем-то стеклянная бусина-слеза или ржавый ключ от несуществующей дверцы.

Девочка обошла каждую яблоню. Поднимала голову, чтобы рассмотреть ветки повыше. На мгновение ей показалось, что что-то блеснуло в вышине. Сердце екнуло, она встала на цыпочки, но это оказался всего лишь обломок стекла, вросший в древесину. И как он туда попал? Наверное, какая-нибудь птица принесла...

Ничего не найдя в саду, она решила посмотреть за забором. Приоткрыла скрипучую калитку и вышла на деревенскую дорогу. Воздух здесь пах иначе – пылью, полынью и разнотравием, что притаилось у обочины.

Лера шла медленно, опустив взгляд, всматриваясь в пыльный щебень, осколки битого кирпича. Иногда ей что-то мерещилось: вот под ногами сверкнул хрусталь (на деле оказавшийся отполированным дождем и ветром осколком бутылки). А вон будто деревянная фигурка лошади – Лера даже наклонилась, чтобы поднять находку. Но вблизи это оказалась простая коряга, обглоданная временем и жуками.

Чуда не случилось. И поначалу ее охватило легкое разочарование, горьковатое, что вкус той полыни. И как бы внимательно ни смотрела Лера по сторонам, никаких волшебных артефактов она так и не нашла.

Зато нашла нечто другое – красоту, окружающую ее.

Маленький, заросший ряской прудик среди берез, где в темной, неподвижной воде отражалось небо. А на его берегу стояла старая скамейка с облупившейся краской, вросшая в землю, но оттого казавшаяся только уютнее. Девочка тронула гладь пруда носком сандалии, и по воде побежали круги, искажая отражение, – живой рисунок, созданный одним ее движением. Березы смотрели на нее сверху, отбрасывая на траву кружевные тени – идеальный сюжет для художника.

Постояв недолго у пруда, Лера отправилась дальше. Тропинка привела ее на невысокий пригорок, с которого открывался вид на всю деревню. Вернее, на ее главную и, похоже, единственную улицу, тянувшуюся параллельно шоссе.

Девочка из рассказов бабушки знала, что деревне больше семисот лет. И даже удивительно, что она сохранилась до наших дней. А уж чего пережила: и средневековую Смуту, и нашествие Наполеона, и Великую Отечественную войну. Но выстояла, выздоровела и продолжала цвести.

Яркое солнце, карабкающееся в зенит, заливало светом дома. Они выстроились вдоль дороги ровными рядами: аккуратные кирпичные особнячки с резными наличниками, почерневшие от времени бревенчатые избы, каркасные новострои дачников, тонувшие в зелени палисадников.

Деревня в утренний час была полупустой и притихшей. Ну еще бы, даже здесь случаются понедельники. Взрослые, видимо, уже разъехались на работу, и от отсутствия прохожих улица казалась просторнее и тише.

Из кирпичной трубы одного из домов вился прозрачный дымок. На заборе другого сидел петух, широко размахивая крыльями. Рыжая собака у калитки свернулась калачиком и, приоткрыв один глаз, лениво смотрела на птицу. Откуда-то с окраины доносился мерный стук топора – кто-то колол дрова, и этот звук только подчеркивал общую безмятежность.

На футбольном поле в конце улицы деревенские мальчишки гоняли мяч, пытаясь забить его в самодельные ворота из груды камней. Один из них, с взъерошенными рыжими волосами,

отправил мяч точно между ними и помчался по полю, размахивая футболкой над головой. Его возбужденные крики ярким и чуждым пятном выделялись на фоне утренней дремоты.

Лера поискала глазами девочек, надеясь увидеть хотя бы одну, хоть кого-то, с кем можно было бы просто постоять рядом. Но их не было. А проситься в игру к стайке мальчишек – мысль показалась совершенно нелепой и невозможной. Какой еще футбол? Она и в школе-то не очень любила физкультуру, пытаясь по большей части отсидеться на скамейке. Да и вряд ли они примут ее к себе. Лера была для них чужой – «дачницей», городской девчонкой с претензиями, которая, чего доброго, еще и книги читает. Да она сама чувствовала бы себя не в своей тарелке.

Девочка постояла еще мгновение, наблюдая, как мяч поднимает у ворот облачко желтой пыли, потом развернулась и побрела обратно. Нет, Лера нисколько не грустила. Еще бы: ведь у нее была тайна. И ее мир сейчас был не здесь, не на этой пыльной улице, а там, во дворе старой дачи, в беседке, в тенистом саду и на таинственном чердаке. И этот мир, казалось, ждал только ее.

ГЛАВА 7. БАБУШКИН ПОРЯДОК

– Как ты вовремя, внучка! – крикнула бабушка, как только Лера переступила порог дома. – Иди скорее! Борщ на плите, накладывай себе. Я вот только с огородом управлюсь…

И бабушка, переваливаясь с ноги на ногу, пошаркала к двери.

Огород за домом был не просто куском земли для выращивания овощей, а настоящим живым мирком, отгороженным низким забором. Здесь не было места строгой геометрии грядок, все было немного сдвинуто, переплетено, жило своей жизнью: резные листья моркови соседствовали с раскидистыми листьями кабачков, а рядом набирала вес желтеющая боками тыква, похожая своей полнотой на саму бабушку. Ох, как Тома ее любила! На соседней грядке стебли лука стрелами топорщились из земли. А рядом – низкорослая садовая земляника, чьи листья напоминали изумрудный ковер. Над ними, переплетаясь ветками, зрела малина. Да не какая-нибудь: каждая ягодка была размером с большой палец.

Но, конечно, царицей огорода была клубника. Она восседала на самом почетном и солнечном месте. Ее листья образовывали густые заросли, под которыми алели спелые плоды. Над ними кружились трудолюбивые шмели, собирая пыльцу. Воздух над этой частью огорода был густым и сладким.

В парнике, опираясь на воткнутые в землю жерди из арматуры, взбирались вверх огурцы. Их цепкие усы хватались за все подряд, а большие шершавые листья скрывали от глаз маленькие, колючие плоды. Чуть дальше живой стеной росли помидоры, чьи стебли были подвязаны к кольям бабушкиными старыми капроновыми колготками. Это придавало всей конструкции весьма трогательный и слегка комичный вид. Зеленые малыши-помидорчики висели тяжелыми гроздьями, и от них шел особый, терпкий запах – запах самого лета.

И над всем этим царил порядок, милый бабушкин порядок: бочки всегда были наполнены водой (бабушка за этим строго следила), дорожки между грядок были аккуратно засыпаны еловыми опилками так, что ни один сорняк не смел даже показаться на поверхности. А у самой стены дома стояла старая, облезлая лейка с ржавым дном – любимица бабушки.

Для Леры огород стал еще одним воплощением дачной магии – простой, земной, но от этого не менее чудесной. Действительно, ведь для бабушки он был волшебным спасением от скучных будней: то она клубнику прополет, то помидоры подвяжет, то с огурцами в парнике беседы ведет. Ведь зимой совсем другое дело. Природа отдыхает и бабушка вместе с ней: то носки вяжет и в город передает, то газеты читает и телевизор смотрит. Лера вспомнила те уютные шерстяные носки, в которых, укутавшись пледом, смотрела мультики перед сном. И такие они были теплые!

Девочка зашла на кухню. На плите стояла кастрюля, над борщом поднимался пар. Но Лере мысль о еде казалась сейчас такой приземленной и такой несовместимой с тем, что происходило у нее на душе.

– Я… я, наверное, не буду, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я с утра столько блинчиков съела... еще не отошла.

Бабушка, натягивая кофту, внимательно посмотрела на нее. Ее взгляд скользнул по лицу Леры, по ее глазам, горевшим каким-то внутренним огнем.

– Что ты там съела-то?.. Ладно, – только и сказала она. – Будешь голодна – разогреешь.

Девочка кивнула.

Когда за бабушкой хлопнула входная дверь, она побежала в свою комнату, забыв обо всем на свете. На этот раз ее шаги по скрипучим доскам были легкими и быстрыми, словно она шла не по старому дереву, а парила по облакам.

Лера не боялась. Теперь нечего было бояться. Она знала, что там, за таинственной дверью чердака, скрываются не злодеи и воры, а настоящий волшебный мир. Ее страх остался во вчерашней ночи, растворившись в солнечных лучах, плясавших на стенах.

Как ей не терпелось заглянуть на чердак, где под слоем многолетней пыли скрываются старые вещи, у которых есть душа! А ведь не у каждого-то человека она есть… Но… Если еще утром, после рассказа бабушки, она хотела ворваться под крышу, как шторм, как вихрь, чтобы разгадать загадку, мгновенно став нарушительницей древнего покоя, то теперь... теперь ей хотелось осторожно прикоснуться к тайне. Не нарушить, не разбудить, а ощутить ее молчаливое дыхание. Она представляла, как поднимается по ступеням лестницы, но не как враг, а как гость, пришедший в тихий храм.

Лера смотрела на потолок и чувствовала, как ее сердце бьется в сладком волнении. И тут до нее донесся едва уловимый, знакомый по ночному приключению скрип. Нет, не шаги. Будто кто-то тяжелый и мягкий перевернулся во сне, устраиваясь поудобнее.

Девочка улыбнулась. Пока она не полезет наверх. Потому что самое главное чудо уже случилось: она знала, что они там есть – эти старые вещи. И как будто ее пронзило понима-

ние, которое делало старый дом бесконечно родным: ведь она Хранительница. Та самая Хранительница старых вещей с магическим обаянием.

ГЛАВА 8. РИСУНОК

Лера удобно устроилась за столом. Смахнула в сторону крошки от ластика после вчерашних неудачных набросков и открыла «Книгу Переделок» на чистой странице.

За окном шелестел старый дуб. Лера подняла голову и замерла. Она долго разглядывала его листья, словно вырезанные из бумаги. Солнечные зайчики прыгали по веткам, играя в свою, только им понятную игру – то замирали на кончике листа, то внезапно исчезали, чтобы через мгновение появиться уже на другом. Только музыки здесь не хватало.

Этот тихий танец света и тени вдруг всколыхнул что-то внутри. То ли старые бабушкины сказки вдруг вспомнились, то ли сам дуб за окном нашептывал ей что-то на беззвучном языке.

Карандаш в ее руке ожил, был теплым и послушным. Уже не скрипел по бумаге с досадой, как вчера, а скользил легко и уверенно. Превратился в ту самую волшебную палочку, готовую отпереть дверь в ее воображение.

Лера провела одну линию, потом другую… Карандаш скользнул по бумаге, и на чистом листе вырос контур ветвистого дерева, похожего на тот дуб за окном. Он был таким же, но в то же время совсем другим. Его ствол стал горбатым и мудрым, а в прожилках коры угадывались черты лица. В дупле поселился целый крошечный мир: там, в темноте, прятался вихрь из звезд и паутинок, который она выводила мелкими, суетливыми штрихами.

Рядом с дуплом, на ветке, освещенной солнечным зайчиком, притаилось крошечное, изящное существо, похожее на спящую птичку. Оно было в наряде, напоминавшем кимоно, а вместо крыльев у него были тонкие тростинки. Потом карандаш метнулся на край листа, где вдруг из-под грифеля появился еще один загадочный образ – не зверь и не птица. Он был вычерчен из переплетенных линий, а вместо глаз у него были две глубокие, незаштрихованные точки. Он просто сидел там, на бумаге, в углу, и смотрел на девочку. Лера вдруг подумала, что, может быть, так выглядят души вещей, о которых говорила бабушка. Странные, спящие, но живые.

И пока ее рука выводила эти незнакомые силуэты, в голове проносились обрывочные мысли. Вот бы сейчас Катя это увидела. Усмехнулась бы, наверное, равнодушно сказала: «Вот опять это твое»… Но она старалась не думать о плохом. Лера просто рисовала и ловила ощущения. Карандаш в ее руке был проводником, улавливающим эхо чужой, невидимой жизни, что скрывалась в рисунке.

Воздух в комнате казался густым от ее сосредоточенности. Пылинки кружились в такт движению карандаша, танцуя в последних лучах солнца. Мир на листке, начавшийся со старого дуба, стал огромным. Она постоянно добавляла в него новых персонажей и новые детали: вот угловатая форма, напоминающая то ли дом, то ли сундук с секретом, вот несколько острых линий, сложившихся в подобие кораблика с одной кривой трубой. Она не придумывала их специально, а отдалась внутренним чувствам. Карандаш скользил по бумаге и сам проявлял незнакомые черты нового сюжета.

Лера и не заметила, как пролетело время. Закатное солнце смотрело в окно, дуб склонил ветви, готовясь ко сну.

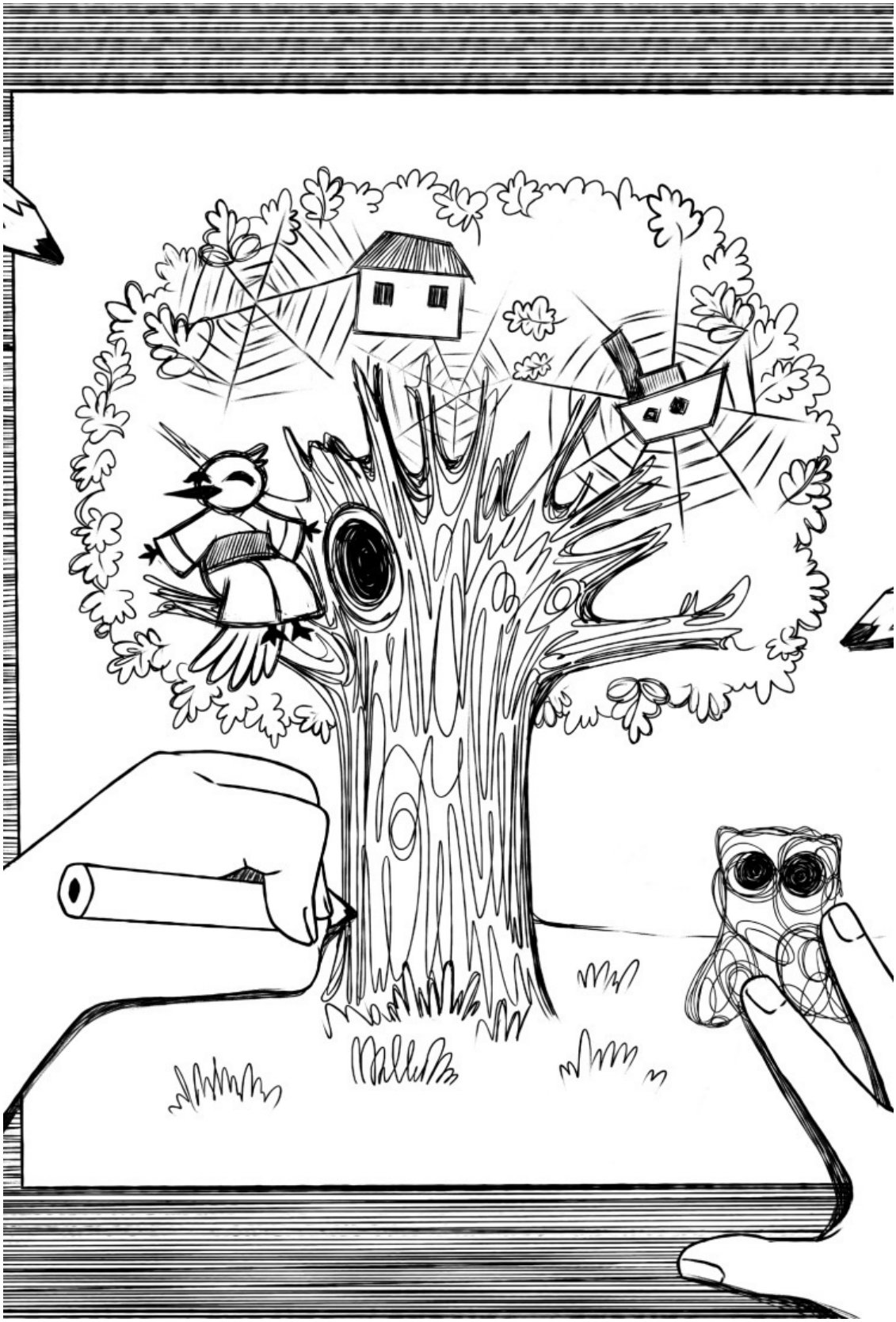
Она посмотрела на получившийся рисунок. Сердце екнуло – перед ней была не просто картинка. Перед ней была карта. Карта неизведанной местности, в которой как в тумане узнавалась деревня, пруд, футбольное поле и еще много мелких деталей, которые выдавали реальность, а не просто ее фантазию. А еще это была карта того невидимого, неосязаемого чувства, которое наполняло дом. И еще – карта чердака, которого она пока не видела, но который уже жил в ней.

Она осторожно провела пальцем по листу. И ей показалось, что в ответ где-то над головой, за толщей потолка, послышался тихий, одобрительный шорох. Не шаг, не голос – просто шорох, похожий на звук, с каким перелистываются страницы старой книги.

Лера тихо выдохнула. А что… А что, если она не случайно нарисовала это все? А что, если ее мысли вне ее самой составили это странное изображение? И, может быть, даже она приоткрыла ту тайную дверь, как Буратино открыл дверь золотым ключиком. Что же там скрывается?

Она пыталась рассмотреть сквозь причудливые штрихи карандаша что-то более понятное, но пока ничего не находила. А может, показалось?

– Лера! Иди ужинать! – голос бабушки был негромким, но настойчивым. Девочка вздрогнула, словно возвращаясь из далекого путешествия.

Она еще раз бросила взгляд на бумагу. Что-то странное, что-то невообразимое. Ей очень хотелось, чтобы кто-то увидел ее рисунок, кто-то кроме нее. Она была уверена, что за толщей линий здесь что-то скрывается.

Девочка взяла лист, встала из-за стола и направилась на кухню.

– Смотри-ка, – бабушка кивнула на сковородку, наполненную жареной картошкой с грибами, – твое любимое!

Лера улыбнулась и протянула бабушке рисунок. Та вытерла руки об фартук и взяла листок за уголки, держа его с неожиданной бережностью.

Она разглядывала долго и внимательно. Ее глаза медленно скользили по линиям, останавливаясь то на дубе, то на двух фигурах существ. Тома рассматривала мелкие детали, поднося листок к носу.

– А-а, – протянула бабушка Тома, – узнаю наше дерево. Точь-в-точь. И дупло то же самое... Тут у нас, знаешь, прошлым летом сойка гнездилась. И дом, и пруд наш. А это кто у тебя такой? – она прикоснулась сухим пальцем к изящной фигурке на ветке. – И этот, в корнях?

– Я… я не знаю, – честно призналась Лера. – Они… они сами получились.

– Хм… – бабушка подняла взгляд на внучку, в ее глазах вспыхнула теплая улыбка, – ну, значит, так и надо. Очень хорошо получились.

Снова посмотрела на рисунок, кивнула, будто что-то подтверждая самой себе, но не сказала ни слова. Потом аккуратно поставила лист на буфет, чтобы не запачкать, и повернулась к столу.

– Ну, картошка остывает, садись.

Кухня тонула в мягких сумерках. Бабушка зажгла над столом старинную керосиновую лампу – не для света, а для уюта, как она говорила. Пламя отбрасывало на стены и потолок пляшущие тени, и весь мир сузился до этого круга теплого света, запаха жареной картошки с грибами и тихого потрескивания фитиля.

– Тебе понравилось? – Лера наложила себе полную тарелку. Картошка была румяной, а грибы – лесными, душистыми, как будто бабушка собирала их вчера.

– Очень понравилось! Очень понравилось. Ты у меня настоящая художница! – Бабушка смеялась глазами. – Вижу, день не зря прошел. Как грибки-то? – кивнула она на тарелку, – не червивые?

– Вкусные, – искренне сказала Лера, – совсем не как магазинные.

– Так то магазинные, а то – из своего леса, – с гордостью заметила бабушка. – Ты знаешь, он, гриб-то, пока растет, все лесные разговоры слушает. Потому и дух такой у него... настоящий.

Лера задумалась над этими словами, разглядывая кусочек на вилке. «Все лесные разговоры слушает...» Звучало почти как история про вещи на чердаке.

– Бабушка, а... а они там, наверху, тоже разговаривают? Между собой? – девочка подняла глаза на потолок и спросила шепотом, понизив голос, хотя кроме них в доме никого не было.

Бабушка отпила чаю из блюдца, не спеша.

– А как же, – после небольшого раздумья сказала она. – Тихо так, по-своему. Не всегда словами. Иногда просто... присутствием.

И Лера тут же вспомнила дневной шорох на чердаке. Так вот оно что! Значит, ей не послышалось и ничего она себе не придумала.

Лера доела все до последней крошки, хотя еще утром с трудом проглотила кусочек блинчика. Она чувствовала приятную усталость во всем теле, как после долгой прогулки.

«Конечно, – подумала она, – одни считают, что рисовать очень просто: взял карандаш, поводил – и готово. Но на самом деле это настоящий труд. Тяжелый. Это когда смотришь на один и тот же лист так долго, что глаза начинают болеть. Когда стираешь и рисуешь одну и ту же линию снова и снова, потому что она ложится не так, как надо. В голове все ясно, до последней черточки, а на бумаге никак не получается».

Сегодня Лера поняла это как никогда раньше. И пускай пальцы устали сжимать карандаш, а на листе остались следы стертых линий, но рисунок был закончен. Девочка разглядывала его с тихой радостью: карандаш словно знал, куда вести ее руку.

ГЛАВА 9. ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД

– Что ж, внучка, пора спать, – бабушка домывала тарелки. – Завтра рано вставать, грядки полить надо. И тебе, художнице, силы нужны.

Лера поцеловала бабушку и исчезла в дверях кухни. В своей комнате она не сразу легла в кровать, а подошла к окну. Ночь была темно-синей, бархатной. Где-то далеко ухал филин.

Девочка посмотрела на потолок. Еще вчера она боялась любого шороха, а сейчас ждала, что кто-нибудь из них подаст голос. Теперь ей хотелось снова услышать те шаги, тот шепот. Как продолжение разговора, который начался сегодня – на бумаге, на кухне, а главное, в ее сердце.

Лера погасила свет и устроилась под одеялом, повернувшись на бок. Улыбка сама появилась на лице. Сколько всего хотелось узнать! Скорее бы наступило завтра.

Лера не помнила, как очутилась на чердаке. Еще минуту назад она лежала в кровати, слушая тишину, а теперь уже стояла босиком на прохладных, пыльных досках.

Чердак был не похож на все другие. Он казался бескрайним. И в центре, на старом сундуке, стоял тот самый стеклянный шар с волшебным городом внутри из рассказа бабушки. Только теперь он был огромным, в рост человека, и внутри него не просто кружился снег, а сиял целый город. Башенки из перламутра, мосты из паутины, освещенные окна-бусины.

– Ты пришла, – сказал тихий, похожий на шелест крыльев голос.

Лера обернулась. Рядом с ней стояли два существа. Одно было изящным, как тростинка, в струящемся наряде, похожем на кимоно, – то самое, которое она нарисовала на ветке. Второе – округлое, уютное, сшитое из лоскутков теней и доброты – то, что сидело на краю листа в ее рисунке.

– Мы тебя ждали, – сказало округлое, и его голос прозвучал как низкий гудок самовара. – Я – Уютень. А это – Листея.

– Вы... вы настоящие? – прошептала Лера.

– Настоящие ли? – Листея слегка наклонила голову. – Мы – то, во что ты поверила. А раз поверила, значит, да, настоящие. Идем с нами!

– Куда? – удивилась девочка.

– Туда! – ответил Уютень и указал на шар.

Существа взяли Леру за руки и подвели к шару. Его поверхность дрогнула, словно водная гладь, по которой пробежала легкая рябь. Очертания на миг расплылись, и за ними проступила неясная глубина. Они шагнули внутрь, осторожно, будто боялись потревожить это зыбкое мерцание.

Лера замерла, ослепленная.

Это был не просто миниатюрный город. Это была вселенная, заключенная в сферу. Город раскинулся на террасах среди облаков. Девочку окружали фантастические строения. Башенки росли не вверх, а по спирали, обвивая невидимые нити, как плющ. Перламутровые раковины, из которых они были сложены, расходились переливами и сияли. Крыши домов словно раскрытые веера, чей шелк блестел всеми цветами радуги. От здания к зданию были перекинуты мосты, тонкие, словно лучи. А по ним бесшумно скользили силуэты.

Под ногами Леры раскинулась затейливая мозаика. Она присмотрелась: это были миллионы разноцветных стеклышек, бусинок, осколков фарфора и позолоченных конфетти, уложенных в причудливые узоры, которые перетекали друг в друга, как картинки в калейдоскопе.

Повсюду росли невиданные ранее цветы. Они, казалось, были вырезаны из тончайшей цветной фольги. Деревья напоминали кораллы или застывшие фонтаны.

А жители… Совсем разные, не похожие друг на друга, ходили по мозаике. И даже не ходили, а перемещались: плавно скользили, тихо колыхались на месте или переносились

вспышками мягкого света. Одни были похожи на одуванчики, другие – на оригами из старых писем, шелестящих при каждом движении. Виднелись существа, словно собранные из винтажных пуговиц и кружев. Их голоса сливались в общий фон: легкий гул, в котором угадывались обрывки мелодий, вздохи и слова на забытых языках.

Из-за угла кофейни, пахнущей корицей и старыми страницами книг, появился деревянный тролль с резной бородой, усыпанной блестками инея.

– Припозднилась, путница! Давно тебя уже ждем, – проскрипел он, но глаза его блестели добродушно. – Чай с морошкой уже стынет!

Рядом, грациозно переступая на лапах, появилась лиса-кицунэ с девятью хвостами, каждый из которых был вышит разными узорами. Она молча кивнула Лере, и в ее янтарных глазах промелькнула целая история о далеких рисовых полях и лунных церемониях.

– Где мы? – спросила Лера у проводников. Ее глаза были широко раскрыты. Такое впечатление произвел на нее город.

Но они не успели ответить. По главной площади важно шествовал бронзовый слон. С каждым его шагом раздавался мелодичный звон, а от ушей исходило легкое сияние.

– Ты нарисовала дверь, – сказал слон, обращаясь к Лере, – и мы прошли через нее. Спасибо.

– Но я же... я просто рисовала, – растерянно сказала Лера.

– Просто рисовала? – фыркнул тролль, усаживаясь на тумбу. – Ты нарисовала карту! И отметила места, где нам хорошо. Листее – на свету, Уютню – в корнях. Это важно!

Если это и был сон... Но Лера чувствовала, что это не сон. Слишком реальны были запахи – воска, старого дерева, пряностей, корицы и кофе. Слишком отчетливо она чувствовала прохладу руки Листеи и тепло Уютня. Это было продолжение дня. Настоящее чудо.

Они повели ее по городу, и каждый рассказывал свою историю. Тролль – о том, как охранял от тоски одинокий норвежский хутор. Лиса – о том, как стала хранительницей свадебного обета, запечатленного в стихах. Слон – о тысячах молитв, которые он слышал у стен храма и теперь носил в себе.

Девочка не опускала взгляда. Ее глаза, привыкшие к серым городским многоэтажкам и скучным школьным коридорам, жадно впитывали каждую деталь. Город был чудесен, фантастичен, великолепен! Это не было просто радостью или удивлением. Ее восторг был бескрайним. Будто она всю жизнь носила в сердце образ этого места и наконец-то увидела его воочию. Лера боялась упустить хоть крупицу этого чуда.

– Здесь… здесь все настоящее? – прошептала она.

– Настоящее ли? – переспросила Листея, и ее хрустальный смех слился с перезвоном города.

– Это больше чем настоящее, – протрубил снизу Уютень.

– Мне здесь так хорошо, – выдохнула девочка, – я как будто знала, что такое место должно быть. Но никогда не верила, что его можно увидеть.

Потом замолчала на мгновение и добавила тихо:

– Я не хочу уходить.

– Тебе и не нужно уходить, – ответила лиса, мотнув одним из хвостов. – Ты всегда можешь вернуться сюда.

И в этот момент мир вокруг начал медленно таять, терять четкость. Сияние города тускнело, краски бледнели, мозаика исчезала. Деревья слились в тени, голоса стихли. Последние огоньки погасли, и город растворился в темноте.

– Нет, подождите! – вскрикнула Лера.

– До утра, Хранительница, – донесся до нее голос слона, уже издалека.

Лера открыла глаза и увидела знакомую трещинку на потолке. Комнату наполнял бледный утренний свет. Она лежала в своей кровати.

Девочка тут же приподнялась на локтях и огляделась. Ничего. Ни стеклянного шара, ни резного тролля, ни тепла Уютня в ладони. Только рисунок на тумбочке, тот самый, с двумя существами. Сердце сжалось: неужели они так и остались на бумаге? Ведь еще недавно были рядом, разговаривали с ней. А теперь все исчезло. Это был сон. Всего лишь сон.

Лера опустилась на подушку и зажмурилась. Может быть, получится вернуться? Она пыталась удержать образы, голоса, запахи. Но воспоминания ускользали.

ГЛАВА 10. ВАСЬКА

Голос бабушки был непобедим. Он так и прорывался сквозь стены. Буквально растоптал последние осколки волшебного сна.

– Лера, завтракать!

Девочка лежала, уставившись в потолок, и внутри нее все медленно и тягостно опускалось, словно на дно холодного колодца. Ночь прошла тихо – ни шагов, ни шепота, ни тихих голосов. А вдруг она сама себе все придумала? Может, все это и правда только в ее голове?

– Лера! Каша на столе! Да, соседский Васька тут, соли пришел попросить! Вынеси ему, ладно?

Лера с трудом оторвала себя от кровати. Какой еще Васька? Соседский кот, что ли?

Она надела тапочки, вышла на кухню, взяла из бабушкиных рук пакетик с солью и медленно побрела к калитке. Утро освежало. Мокрая трава била по ногам, оставляя на коже прохладные капли.

У ворот, переминаясь с ноги на ногу, с мячом в руках, стоял тот самый рыжий мальчишка с футбольного поля, которого она видела вчера в толпе ребят. Он смерил ее быстрым, оценивающим взглядом.

– Че, городская, надолго к нам? – он плюнул на землю сквозь зубы.

– На, – протянула Лера пакетик, не глядя Ваське в глаза.

– Спасибо, – буркнул он от неожиданности, взяв сверток. Помолчал и, видимо считая, что нужно что-то сказать, продолжил. – Ты, это… вчера нашу игру смотрела, что ли?

– Ну смотрела, – кивнула Лера.

– И че, видела, как я гол забил? – Васька горделиво выпрямился.

Девочка кивнула.

– Ну и как?

– Нормально.

– Нормально? Ничего ты не понимаешь в футболе, – мальчишка подкинул мяч и отбил его ногой. Тот, кувыркаясь в полете, полетел через забор и приземлился в ближайший куст смородины.

– Ты чего? – Лера подняла кулак. – Это же бабушкина смородина. Она тебя убьет!

– Да нет, не убьет, – Васька сделал шаг во двор.

– Подожди, – остановила его Лера, – я сама.

Она подняла мяч.

– Держи! – она его протянула мальчику.

– Спасибо! – Васька забрал круглого друга.

Недолгое молчание смутило обоих. Мальчишка явно собирался с духом. Лере отчаянно хотелось сказать что-то важное. Может, он поймет? Мальчишки ведь иногда верят в приключения. Ей хотелось хоть с кем-то поделиться, хотя бы даже с Васькой.

– Ты знаешь, у меня тут, – начала она осторожно, глядя куда-то мимо него, на лес, – на чердаке… там интересно. Старые вещи. Они будто… живые.

Она ждала удивления или хотя бы интереса. Но Васька только фыркнул и почесал за ухом.

– А, это про те штуки бабушки Томы? – мальчишка растянулся в улыбке. – Да мы все знаем. Ты знаешь, она у нас в деревне чудаковатая считается. Все говорят – старческий маразм. Вещи у нее там какие-то живут…

Лера нахмурилась.

– Как по мне, так ерунда это все. – Васька опять сплюнул под ноги. – И вещи ей несут, потому что жалко выкинуть. Ну, думают, хоть у бабки Томы на чердаке свое место найдут.

Лера замерла. Каждое слово мальчишки было как удар тупым ножом: «чудаковатая», «старческий маразм», «смеются».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.